

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ КУДАШКИН

АО «Рособоронэкспорт»

107076, Российская Федерация, Москва, ул. Стромынка, д. 27

Институт государства и права РАН

119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10

E-mail: vvk4691@yandex.ru

SPIN-код: 1473-7552

DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-5-kudashkin

ПРАВОВАЯ БОРЬБА — ОБЪЕКТИВНЫЙ СИСТЕМНЫЙ КОМПОНЕНТ ВОЕННОГО ПРОТИВОБОРСТВА В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ

Аннотация. Цели военного конфликта могут достигаться через использование правовых системных связей и отношений, составляющих международную систему и системы внутригосударственных отношений. В силу этого задействование для решения задач и достижения целей военного конфликта части системных связей и отношений — правовых — не характеризуется их всеобъемлемостью. Совокупность этих связей и отношений, институализированных в юридические инструменты правового воздействия на отношения военного конфликта, в своей совокупности образует локальную целостность, посредством которой происходит правовое воздействие негативного характера (правовое насилие) в военном конфликте — это правовой компонент военного насилия в современном военном конфликте. Характерной чертой применения правовых методов и средств воздействия на противника в современном конфликте является комплексное правовое воздействие на международные и внутригосударственные связи и отношения государства, участвующего в военном конфликте. Роль права в военном конфликте при применении юридических средств для достижения целей и задач в вооруженной борьбе двоякая: негативная (для ослабления боевых возможностей противника) и позитивная (мобилизация всех направленных жизнедеятельности для достижения победы, обычно это внутригосударственный аспект и это функция права). Средства правового воздействия, имеющие негативный характер, посредством которых достигаются цели военного конфликта, являются гибридизированной формой военного насилия, одним из проявлений гибридной войны.

Ключевые слова: военный конфликт, гибридная война, право, правовая борьба, правовое насилие, военная наука, право военных конфликтов, победа, вооруженная борьба, системные связи, система

VLADIMIR V. KUDASHKIN

JSC Rosoboronexport
27, st. Stromynka, Moscow, 107076, Russian Federation
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation
E-mail: vvk4691@yandex.ru
SPIN code: 1473-7552

LEGAL STRUGGLE IS AN OBJECTIVE SYSTEMIC COMPONENT OF MILITARY CONFRONTATION IN AN INTERNATIONAL MILITARY CONFLICT

Abstract. The goals of a military conflict can be achieved through the use of legal systemic connections and relations that make up the international system and systems of intrastate relations. Because of this, the involvement of part of the systemic connections and relationships—legal ones—to solve problems and achieve the goals of a military conflict is not characterized by their comprehensiveness. The totality of these connections and relationships, institutionalized into legal instruments of legal influence on the relations of a military conflict, in their totality forms a local integrity through which legal influence of a negative nature (legal violence) occurs in a military conflict — this is the legal component of military violence in a modern military conflict. A characteristic feature of the use of legal methods and means of influencing the enemy in a modern conflict is the complex legal impact on international and intrastate relations and relations of the state participating in a military conflict. The role of law in a military conflict when using legal means to achieve goals and objectives in armed struggle is twofold: negative (to weaken the enemy's combat capabilities) and positive (mobilization of all areas of life to achieve victory, usually this is the domestic aspect and this is a function of law). Means of legal influence of a negative nature, through which the goals of a military conflict are achieved, are a hybridized form of military violence, one of the manifestations of a hybrid war.

Keywords: military conflict, hybrid war, law, legal struggle, legal violence, military science, law of military conflicts, victory, armed struggle, systemic connections, system

1. Гибридность как объективное свойство современных военных конфликтов

Современное состояние человеческой цивилизации характеризуется обострением противоречий между государствами и внутри многих государств. Источником противоречий является ограниченность материальных и иных ресурсов, что порождает потребности государств, обществ и индивидов обеспечить максимальную доступность к ним всеми имеющимися в их распоряжении средствами и способами. Универсальным средством разрешения противоречий является военное насилие в рамках военных конфликтов.

Современный облик военных конфликтов существенно отличается от их традиционных классических характеристик и признаков, сложившихся за тысячи лет существования человечества. Академик А.А. Кокошин подчеркивает: «В мире появляются новые формы и способы ведения военных действий. Одновременно повышается значение невоенных компонентов войн и вооруженных конфликтов... Учет этого феномена весьма важен для формулирования современной теории войны как социально-политического явления»¹.

Классическая формула Клаузевица «Война — это не некий отдельный феномен, а продолжение политики иными средствами»² находит свое проявление в социальной действительности в формах, кардинально отличающихся от традиционного вооруженного противоборства между государствами и социальными группами.

Обобщающее понятие, отражающее качественно новое состояние военного противоборства, — гибридная война — было введено в научный оборот в его нынешнем значении Фрэнком Г. Хоффманом, который определил его как «ряд различных способов ведения войны, включая обычные возможности, нерегулярные тактики и формирования, террористические акты, включая неизбежное насилие и принуждение, а также криминальные беспорядки»³. В этом определении подчеркивается важность сочетания обычных общепринятых и нетрадиционных тактик, расширяющих сферу ведения войны, а также средств и методов ведения военного противоборства.

¹ Кокошин А.А. Феномен «гибридной войны» в силовой составляющей современной мировой политики. URL: https://zavtra.ru/books/fenomen_gibridnoj_vojni_v_silovoj_sostavlyayushej_sovremennoj_mirovoj_politiki (дата обращения: 15.01.2024).

² Clausewitz Cf: C. von. On War. N.Y., 1993. P. 7–8.

³ Hoffman F. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Arlington, VA, 2007.

В западной научной литературе приводится множество теорий гибридизации военного конфликта⁴.

Так, М. Вигель разработал концепцию «гибридного вмешательства» (в отличие от «гибридной войны»), которую он определяет как «синхронизированное использование множества невоенных средств вмешательства для усиления разногласий внутри целевых обществ». По его словам, это «стратегия клина», предназначенная для использования сочетания тайной дипломатии, геоэкономики и дезинформации, чтобы посеять семена раскола в целевой стране. М. Вигель стремится подчеркнуть, что такое вмешательство предлагает «скрытое манипулирование стратегическими интересами других государств»⁵.

Э. Мамфорд и П. Карлуччи⁶ сформулировали теорию неопределенности (двузначности) в качестве ключевой характеристики гибридной войны. Они обращают внимание на следующее. Неопределенность дает возможность поразить противника множеством синхронизированных элементов, заставляя его прийти в состояние когнитивного тупика относительно его политических, стратегических и тактических намерений. Без двузначности гибридная война была бы неэффективной или просто представляла бы собой еще одну форму нерегулярной войны, которая не требует применения синхронизированных множественных средств агрессии, таких как повстанческое движение или терроризм. А. Мамфорд делает вывод: «Неопределенность — это суть гибридной войны»⁷.

⁴ См. также: *Puyvelde D.* Hybrid War — Does It Even Exist? // NATO Review. 7 May. 2015; *Johnson R.* Hybrid Warfare and Its Countermeasures: A Critique of the Literature // Small Wars & Insurgencies. 2018. No. 1. P. 141–143; *Fridman O.* Russian ‘Hybrid Warfare’: Resurgence and Politicization. London, 2018; *Stoker D.*, *Whiteside C.* Blurred lines: Gray-zone conflict and hybrid war — two failures of American strategic thinking // Naval War College Review. 2020. No. 73:1. P. 1–37; *Coker C.* War in an Age of Risk. Cambridge, 2009; *Freedman L.* The Future of War: A History. London, 2017; *Jacobs A.*, *Lasconjarias G.* NATO’s Hybrid Flanks: Handling Unconventional Warfare in the South and East. Rome, 2015; *Renz B.* Russia and Russia and “hybrid warfare” // Contemporary Politics. 2016. No. 22:3. P. 283–300; *Giegerich B.* Hybrid warfare and the changing character of conflict // Connections. 2016. No 2. P. 65–72.

⁵ *Wigell M.* Hybrid interference as a wedge strategy: A theory of external interference in liberal democracy // International Affairs. 2019. No. 95:2. P. 55–75.

⁶ См.: *Mumford A.*, *Carlucci P.* Hybrid warfare: The continuation of ambiguity by other means // European Journal of International Security. 2023. No. 8. P. 192–206.

⁷ *Mumford A.* Ambiguity in Hybrid Warfare // EU/NATO Centre of Excellence for Hybrid Threats. September. 2020. URL: https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2020/09/202009_Strategic-Analysis24-1.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

К. Кристофер утверждает, что язык и методы анализа риска применимы к тому, как понимается и ведется современная война, и что война по сути «стала управлением рисками»⁸. Гибридная война не хочет выглядеть как конфликт⁹, она выполняет секьюритизирующую функцию (институализирована в сфере безопасности государства)¹⁰.

Обобщая иностранные научные исследования в области гибридных войн, можно сделать достаточно определенный вывод — все они единодушны в том, что заслуга разработки понимания нового облика военных конфликтов, насыщенного гибридными характеристиками, трансформирующими облик конфликта от классического вооруженного в гибридизированные (без применения оружия) формы насилия, принадлежит западным военным исследователям. Практическая же реализация гибридизированных форм насилия при этом возлагается на Россию, иногда на Китай¹¹. Полностью отрицается какая-либо причастность США и НАТО к гибридным формам ведения военного противоборства¹².

Российская военная наука не остается в стороне от исследования современного облика военных конфликтов. Так, А.А. Бартош отмечает: «Гибридная война представляет собой использование по единому замыслу и плану силовых и несиловых способов межгосударственного противоборства»¹³, смещение в несиловую часть спектра используемых военных и невоенных форм, средств, методов и технологий, что позволяет лишить противоборствующую сторону фактического суверенитета без захвата территории государства военной силой¹⁴.

Суть гибридной войны, считают К.В. Сивков и К.Н. Соколов, состоит в том, чтобы создать на территории противника свою «армию», построенную на сетевом принципе, и затем с ее использованием напрямую, без предварительного разгрома вооруженных сил про-

⁸ Coker C. Op. cit. P. XIII.

⁹ См.: Renz B. Op. cit. P. 283–300.

¹⁰ См.: Göransson M. Understanding Russian thinking on "gibridnaya voyna" // Hybrid Warfare: Security and Asymmetric Conflict in International Relations. By Mikael Weisssmann, Niklas Nilsson, Björn Palmertz and Per Thunholm. London, 2021. P. 83–94.

¹¹ Так, Эндрю Мамфорд и Паскаль Карлуччи пишут: «Сложная политическая проблема, порожденная Евромайданом, привела Россию к ведению гибридной войны на востоке Украины и в Крыму» (Mumford A., Carlucci P. Op. cit. P. 205).

¹² См.: Göransson M. Op. cit. P. 89.

¹³ Бартош А.А. Серая зона: театр гибридных войн. М., 2023. С. 8.

¹⁴ См.: Бартош А.А. Туман гибридной войны. Неопределенность и риски конфликтов XXI века. М., 2022. С. 25.

тивника, сокрушить действующий режим, взять под контроль власть в стране. Такая армия, как правило, маскируется под гражданское общество, захватывая контроль над реальными механизмами саморегулирования¹⁵.

Признание реальности гибридности современных военных конфликтов подтверждено в публичных выступлениях руководства нашей страны и Вооруженных Сил.

Еще в 2016 г. начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации В.В. Герасимов обращал внимание на следующее: «В современных конфликтах все чаще акцент используемых методов борьбы смещается в сторону комплексного применения политических, экономических, информационных и других невоенных мер, реализуемых с опорой на военную силу. Это так называемые “гибридные” методы... Сочетание “традиционных” и “гибридных” методов уже сейчас является характерной чертой всех вооруженных конфликтов»¹⁶.

В выступлении на расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ 19 декабря 2023 г. Президент РФ В.В. Путин особо подчеркнул: «Запад продолжает вести против России гибридную войну»¹⁷.

Западные аналитики внимательно отслеживают развитие российской военной научной мысли в отношении гибридного характера современных военных конфликтов.

Так, Офер Фридман отмечает: «В то время как страны НАТО склонны уделять особое внимание оперативным вопросам, русские видят основную цель гибридной войны в том, чтобы избежать традиционного поля боя с целью уничтожения противника путем смешения идеологических, информационных, финансовых, политических и экономических методов, приводящего в конечном итоге к социокультурной дезинтеграции и в конечном итоге к социальному коллапсу»¹⁸.

Участие в дискуссиях военных экспертов и политологов о генезисе, сущности, проявлениях гибридных свойств современных конфликтов не относится к предмету настоящего исследования.

¹⁵ См.: *Сивков К.В., Соколов К.Н.* Гибридная война. М., 2023. С. 17.

¹⁶ *Герасимов В.* Организация обороны Российской Федерации в условиях применения противником «традиционных» и «гибридных» методов ведения войны // Вестник Академии военных наук. 2016. № 2. С. 20.

¹⁷ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73035> (дата обращения: 15.01.2024).

¹⁸ *Fridman O.* Russian ‘Hybrid Warfare’: Resurgence and Politicization. P. 95.

2. Трансформация права под воздействием гибридизированных форм военного противоборства

Осмысление современного облика военного противоборства объективно вывело исследовательскую мысль на осознание связанности с гибридными формами военного конфликта такого социального явления, как право, и, как следствие, трансформацию права под воздействием гибридизированных форм военного противоборства. В научный оборот были введены понятия «правовая война», «правовые операции».

Впервые в научной литературе на указанную связь обратили внимание китайские исследователи.

Так, два полковника НОАК в 1999 г. написали трактат «Неограниченная война», в которой рассматривались различные тактики противодействия США в условиях существенного различия военных потенциалов, в том числе с использованием юридической войны¹⁹. Дин Ченг отмечает: в китайских трудах часто упоминаются «три войны» (*сан чжан*): война общественного мнения, психологическая война и правовая война. Китайский анализ почти всегда связывает эти три фактора вместе, поскольку они рассматриваются как взаимосвязанные и взаимодополняющие. Китайская Народная Республика (КНР) и, в частности, Народно-освободительная армия подходят к праву как к наступательному оружию, способному сдерживать оппонентов и перехватывать политическую инициативу в военное время²⁰.

Основные подходы западной юридической науки в области правовой войны сводятся к следующему²¹.

В XXI в. право продолжает развиваться как средство и метод ведения войны. Полезно думать о праве как об оружии, которое можно использовать в «хороших» или «плохих» целях²². Концепция права направлена на то, чтобы по-новому внедрить право в военное мышление, рационализировать его в терминах, совместимых с реалиями операций XXI в.²³ Право относится к методам ведения вой-

¹⁹ Liang C., Xiangsui W. Unrestricted warfare. Beijing, 1999.

²⁰ См.: Cheng D. Winning Without Fighting: Chinese Legal Warfare // Heritage foundation. 2012. No. 2692. P. 1–11.

²¹ Первое и классическое исследование по вопросу правовой войны было проведено Ч. Данлепом. Подробнее см.: Dunlap C. Law and Military Interventions: Preserving Humanitarian Values in 21st Century Conflicts. Harvard, 2001.

²² См.: Dunlap C. Lawfare // National Security Law. Durham, NC., 2015. P. 823–838.

²³ См.: Dunlap C. Lawfare: A Decisive Element of 21st-Century Conflicts? // National Defense University Press. 2009. Iss. 54. P. 34–39.

ны, при котором оно используется как средство достижения военной цели, «стратегия использования права — или злоупотребления правом — применяется в качестве замены традиционных военных средств»²⁴:

— США должны изменить свою текущую стратегию правовой войны. Америка больше не может рассматривать юриспруденцию с чисто оборонительной точки зрения²⁵;

— право становится все более мощным оружием войны. Право, применяемое систематически и умело, может в различных обстоятельствах спасти жизни в США, позволяя достичь целей национальной безопасности США «с меньшим количеством кинетической войны» или вообще без нее²⁶;

— американский генерал Дэвид Петреус обращает внимание на то, что «вместо того, чтобы сосредоточиваться на прямой военной конфронтации, государство может добиться успеха в борьбе с противником, переместив арену конфликта на экономические, террористические и даже юридические направления в качестве рычага, который можно использовать для подрыва более традиционных средств ведения войны»²⁷ (курсив наш. — В.К.);

— существенно изменилась правовая среда. Не только возросла плотность правового регулирования, но и правовые процессы теперь играют гораздо более заметную роль в войне. Закон и юридические соображения являются центральным аспектом гибридной войны. Необходимо разработка правовой политики, т.е. политики стратегического использования права и юридических аргументов в поддержку оперативных целей²⁸;

— учитывая центральную роль, которая отводится правовой войне, страны НАТО и Запад должны выработать более глубокое понимание этой сферы гибридной войны и разработать единую стратегию противостояния этой угрозе мировому порядку²⁹.

²⁴ Dunlap C. Lawfare Today // Yale Journal of International Affairs. 2008. Winter. P. 146–154

²⁵ Cheng D. Op. cit. P. 11.

²⁶ См.: Orde K. Lawfare. Law as a weapon of war. Oxford, 2016. P. 70.

²⁷ Petraeus D., Roberts A. Conflict: The Evolution of Conflict from 1945 to Ukraine. Harper, 2023.

²⁸ См.: Sari A. Hybrid Warfare, Law and the Fulda Gap. URL: www.Lawfareblog.com/legal-aspects-hybrid-warfare (дата обращения: 15.01.2024).

²⁹ См.: Войцегр М. Развязывание войны на правовом поле // Concordiam. 2020. № 1. С. 32–39.

В российской военной и военно-юридической науке исследования по проблематике правовой войны как одной из гибридизированных форм и проявлений современных военных конфликтов отсутствуют. Есть отдельные идеи, которые не нашли последующего отклика в научной военно-юридической среде³⁰. Вместе с тем научная постановка вопроса о связи права с современными гибридизированными свойствами военных конфликтов, исходя из современного уровня научного познания соответствующих отношений, более чем актуальна. Как подчеркивает Аурел Сари, «...право и юридические соображения являются центральным аспектом гибридной войны. Поэтому закон и правовые соображения также должны составлять центральный аспект усилий по противодействию гибридным угрозам»³¹. Следует учитывать следующую теоретико-правовую основу вышеуказанной научной проблемы.

Военный конфликт является социально-политическим явлением. С одной стороны, он порождает либо отражает связи, возникающие при военно-силовом противоборстве, которые институализируются в общественные отношения военных конфликтов; с другой стороны, эти связи формируют специфичную общность системных явлений в социальной действительности. Из парадигмы всеобъемлющей системной связанности всех явлений социальной действительности следует, что отдельные государства для реализации внутригосударственных интересов действуют системно: осуществляют силовое воздействие на сложившиеся, устойчивые системы международных и внутригосударственных отношений в целях выведения их из состояния равновесия, что объективно ведет к разрушению указанных систем и, как следствие, политических структур суверенных государств. При этом классическое вооруженное насилие существенно дополнено воздействием военной силы государства, осуществляемой в «различного рода скрытых, опосредованных другими элементами совокупной силы государства, формах. Однако какую бы форму действия военной силы ни избрало государство, в любом случае воздействие военной

³⁰ О правовых инструментах реализации американской стратегии сдерживания // Военная мысль. 2021. № 6. С. 133–141; *Панарин И.Н.* Основы теории «гибридной войны» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 4. С. 69; *Неклесса А.И.* Гибридная война. Облик и палитра вооруженных конфликтов в XXI веке // Экономическая стратегия. 2015. № 8. С. 84; *Бартош А.А.* Туман гибридной войны. Неопределенности и риски конфликтов XXI века. С. 24.

³¹ *Kittrie O.* Lawfare: law as a weapon of war. New York, 2016. P. 2.

силы на систему международных отношений, группу стран или отдельное государство осуществляется насильственно, так как в любых формах действия военной силы оно реализуется методами принуждения или подавления»³².

Научная постановка вопроса заключается в теоретико-правовом исследовании правовых компонентов (форм) насилия в военных конфликтах, осуществляемых в системах международных отношений и внутригосударственных отношений.

3. Правовое насилие — одна из гибридизированных форм военного насилия в современном военном конфликте

Анализ иностранной военной и военно-юридической мысли, а также современных средств и методов силового противоборства позволяет выделить концептуальные подходы к определению роли, места и сущности правового воздействия на отношения в военном конфликте.

Необходимо отметить двойственную природу правового воздействия на отношения и связи в военном конфликте — позитивную и негативную.

1. Позитивное воздействие права как социального регулятора общественных отношений заключается в применении всех возможных правовых инструментов, предотвращающих возмущающее воздействие на систему внутригосударственных отношений и национальную правовую систему, которое может привести к утрате равновесия и целостности этих систем и как результат — уничтожению государственности³³. Так, например, в рамках такой гибридизированной формы военного конфликта, как санкционная война, после начала 24 февраля 2022 г. специальной военной операции Западом было введено против России более 16 000 санкций. Для предотвращения их негативного воздействия на экономику страны приняты 192 федеральных закона, Правительством РФ реализованы более 300 мер государственной под-

³² Анненков В.И., Моисеев В.Ф. Военная сила и современные международные отношения. Балашиха, 2022. С. 52.

³³ Как справедливо отмечает член-корреспондент РАН, профессор А.Н. Савенков, «...право как социальный феномен всегда погружено в политический контекст эпохи» (Савенков А.Н. Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН. М., 2019. С. 9).

держки³⁴. Исследуя правовую основу российской антисанкционной политики, член-корреспондент РАН, профессор А.В. Габов приходит к обоснованному выводу: «...введенные ограничительные меры (санкции), так и вводимые антисанкционные меры существенным образом изменяют регулирование и частных, и публичных отношений (тех, которые еще только могут возникнуть в будущем), а также трансформируют уже существующие отношения; санкции и “антисанкции”, перестав быть “точечными”... экстраординарным правовым средством, становятся ординарным обстоятельством... Они “ломают” теперь не только привычный порядок осуществления экономической (прежде всего предпринимательской) деятельности... но и “проникают” во внутренние отношения; они “встраиваются” в правовую ткань... в качестве обязательного обстоятельства...»³⁵.

Не менее значима роль права в обеспечении мероприятий политического, военного, социально-экономического, гуманитарного характера, проводимых в рамках специальной военной операции³⁶.

Наиболее близко право соприкасается с военным искусством в боевых уставах войск, в которых регулируются вопросы подготовки и ведения боя; в руководствах, (например, руководстве по боевой работе огневых подразделений артиллерии) и других документах. Военное искусство в этих правовых актах преобразовывается в нормативно-правовые предписания, которые устанавливают правила поведения военнослужащих в боевых условиях. Право в этих нормативных правовых актах реализуется в качестве «боевого» компонента³⁷ вооруженного противоборства, военное искусство в них определяет содержание правовых норм, становясь научно обоснованным, нормативно определенным регулятором общественных отношений военного конфликта.

2. Анализ западной военно-научной мысли, практики межгосударственных отношений показывает, что имманентное праву свойство воздействовать на общественные отношения может иметь негативный характер. При этом следует учитывать относительность характера воз-

³⁴ См.: *Володин В.* Для противодействия санкциям было принято 192 закона. URL: <https://www.pnp.ru/politics/volodin-dlya-protivodeystviya-sankciyam-bylo-prinyato-192-zakona.html> (дата обращения: 15.01.2024).

³⁵ *Габов А.В.* Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 3. С. 139.

³⁶ Подробнее см.: *Корякин В.М.* Правовое обеспечение специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах. 2022. № 7. С. 32–43.

³⁷ О боевом аспекте военного права см.: *Военное право: Монография: В 3 т. / Под ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина.* Т. 3. М., 2021. С. 10.

действия: позитивность либо негативность правового воздействия определяется в зависимости от социальной диспозиции. То, что негативно для одного государства, позитивно для другого. Если правовое воздействие осуществляется в целях разрушения суверенной государственности, то такое воздействие будет правовым, но имеющим негативный характер, так как роль права в этом случае не созидательная, а разрушительная. Хотя и в этом случае правовое воздействие будет служить интересам и обслуживать потребности государства, применяющих юридические инструменты для достижения указанных целей.

Следует обратить внимание на то, что Запад использует правовое воздействие (насилие) в ходе военного конфликта для достижения целей негативного характера, к которым относятся:

- разрушение политической формы общества — государства, демонтаж государственной структуры, в том числе публичной власти, господствующей идеологии, военной организации как базового элемента, обеспечивающего безопасность государства;

- трансформация общества государства-цели в направлении реализации интересов и удовлетворения потребностей государства-агрессора, базирующихся на западных ценностях, моральных и нравственных установках;

- деформация правовой системы государства-цели, прежде всего тех его частей, которые связаны с международным правом, а также правосознанием.

В этой связи член-корреспондент РАН, профессор А.Н. Савенков метко подметил: «...устранение современных угроз часто воспринимается как требующее преобразования политических, социальных, гражданских и экономических структур территориального государства...»³⁸.

3. Юридическая сущность применяемых средств правового воздействия в ходе военного конфликта заключается в использовании свойств права как социального регулятора общественных отношений, санкционируемого государством и подкрепляемого его властью, для осуществления правового (невооруженного) насилия в ходе военного конфликта для решения задач и достижения целей военного конфликта, исходя из интересов и потребностей этого государства.

4. Характерной чертой применения правовых методов и средств воздействия на противника в современном конфликте является комплексное правовое воздействие на международные и внутригосудар-

³⁸ Савенков А.Н. Государство и право: Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: В 3 т. Т. 1. М., 2021. С. 456.

ственные связи и отношения государства, участвующего в военном конфликте. С учетом всеобщей связанности социальных систем — международной системы с системами внутригосударственных отношений воздействие на любую из них отразится на состоянии других систем, может подвергнуть связи и отношения такому воздействию, что система выйдет из состояния равновесия и это приведет к разрушению ее целостности. Военно-политические технологи знают это и учитывают воздействие на международную систему в целях необходимого им воздействия на конкретное государство. И наоборот, в случае подрывания суверенной системы внутригосударственных отношений и надстроенной над ней национальной правовой системы, если воздействие касается значимого элемента системы межгосударственных отношений, например, постоянного члена Совета Безопасности ООН, происходит воздействие на систему межгосударственных отношений. И при таком воздействии в основе лежат интересы не международного сообщества, а конкретного государства либо объединенной общими интересами группы государств.

5. Средства правового воздействия, имеющие негативный характер, посредством которых достигаются цели военного конфликта, являются гибридизированной формой военного насилия, одним из проявлений гибридной войны.

6. В западной и китайской военной и военно-правовой мысли для определения всех возможных форм правового воздействия на отношения военного конфликта используется понятие «правовая война». Данный подход не поддерживается, так как не имеет теоретического обоснования и может рассматриваться как политологический, журналистский термин, используемый для утилитарных целей. Война, военный конфликт — это особое социальное состояние суверенных общественных систем, в которых связи и отношения подвергаются внешнему возмущающему воздействию. Подчеркнем, что вся совокупность связей и отношений переходит в определенное «возмущенное» состояние. В этой совокупности есть отдельная, связанная друг с другом совокупность правовых связей и отношений, составляющих отдельную часть системы. Есть еще военные, экономические, политические, материальные и прочие связи и отношения. Цели военного конфликта могут достигаться через связи и отношения военного вооруженного противоборства, международно-политические связи и отношения и т.д. Но точно так же они достигаются через использование правовых системных связей и отношений, составляющих международную систему и системы внутригосударственных отношений. В силу

этого задействие для решения задач и достижения целей военного конфликта части системных связей и отношений — правовых — не характеризуется их всеобъемлемостью. Совокупность этих связей и отношений, институализированных в юридические инструменты правового воздействия на отношения военного конфликта, в своей совокупности образует локальную целостность, посредством которой происходит правовое воздействие негативного характера (правовое насилие) в военном конфликте — это правовой компонент военного насилия в современном военном конфликте.

7. Основные направления использования правовых средств для решения целей и задач военного конфликта должны соответствовать общему замыслу достижения целей военного конфликта, осуществляться на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях и отражаться в документах военного планирования.

На стратегическом уровне правовое воздействие на отношения военного конфликта имеет как позитивный, так и негативный характер.

Позитивный компонент правового воздействия на отношения военного конфликта включает такое использование правовых средств, которое позволяет сохранить устойчивость и целостность системы внутригосударственных отношений. Прежде всего речь идет о нормативном правовом обеспечении, позволяющем достичь цели и решить задачи военного конфликта.

Негативный компонент правового воздействия на противника предполагает, что объектом правового воздействия на стратегическом уровне должны быть система внутригосударственных отношений противоборствующего государства и ее связи и отношения с системой международных отношений, ее институциональной структурой. Необходимо подчеркнуть, что характеристика негативности в данном случае имеет не сущностной характер, т.е. такое воздействие не негативно по своей сути, это такое же правовое воздействие, как и любое другое. Оно негативно с точки зрения результатов воздействия на связи и отношения противника, которые подвергаются силовому правовому воздействию и результат такого воздействия для которых имеет негативный характер.

На оперативном уровне правовое воздействие на отношения военного конфликта включает использование арсенала действующих юридических средств и возможностей как международной, так и внутригосударственной принадлежности для достижения локальных (этапных) целей военного конфликта. По аналогии с оперативным уровнем военных действий, охватывающих театр военных действий, правовое

воздействие на оперативном уровне заключается в правовом воздействии на отношения военного конфликта не глобального, а локального уровня. Речь здесь может идти, например, о правовом контрастном наступлении в случае использования неприятелем массированных информационно-правовых атак на страну, как это было при проведении Украиной фейковой информационно-наступательной операции с использованием трагедии в Буче³⁹, разрушением Каховской ГЭС⁴⁰, обстрелами Запорожской атомной электростанции⁴¹. Либо о создании правовых условий, обеспечивающих один из значимых этапов успешного решения задач всей военной компании в ходе военного конфликта. С точки зрения проведения специальной военной операции таким примером является проведение референдумов о вхождении в состав Российской Федерации новых регионов.

На тактическом уровне правовое воздействие на отношения военного конфликта представляет собой создание юридических условий, обеспечивающих достижение целей конкретной военной операции. Следует учитывать, что успех ведения военных действий в существенной степени зависит от достаточной степени определенности в правомерности применения сил и средств, а также методов ведения военных действий, которые должны быть сформированы в правосознании каждого участника военных действий всех уровней вооруженных сил. Неопределенность в правомерности поведения на поле боя, более масштабном уровне ведения боевых действий, порождает неуверенность, что неизбежно сказывается на результатах проведения конкретной военной операции. Правосознание участников боевых действий должно быть сформировано заранее, доведено до автоматизма, чтобы в бою, когда результат достигается в секунды, они не тратились на формирование правомерности поведения в ходе боестолкновения, а обеспечивали эффективный результат боевых действий. В этой связи крайне важна именно правовая подготовка войск на всех уровнях для правомерного ведения военных действий в конкретных условиях боевого столкновения. При этом следует учитывать, что задача при правовой

³⁹ См.: *Петров И.* Демонизация с ущербом: подробности создания провокации в Буче. Что не так с историей о массовом убийстве мирных граждан под Киевом. URL: <https://iz.ru/1315421/ivan-petrov/demonizatsiia-s-ushcherbom-podrobnosti-sozdaniia-provokatcii-v-buche> (дата обращения: 15.01.2024).

⁴⁰ Что известно о прорыве Каховской ГЭС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/17936539?ysclid=lsa8p87jhc77018486> (дата обращения: 15.01.2024).

⁴¹ Что известно об обстрелах Запорожской АЭС. URL: <https://tass.ru/info/15447827?ysclid=lsa8t0814n499766710> (дата обращения: 15.01.2024).

подготовке к участию в военных действиях состоит в формировании ясности и убежденности в возможном поведении на поле боя, исключении правовой неопределенности, порождающей в сознании неуверенность в осуществлении конкретных боевых действий, что существенно снижает эффективность достижения поставленных целей и задач. Планирование военных операций должно сопровождаться аналитико-правовой работой для подготовки плана военной операции, в который включаются мероприятия военно-правовой работы, обеспечивающие решение целей и задач военной операции, а также сопровождаться практической работой по формированию правосознания участников военной операции, формируемого, безусловно, с учетом принципов и норм международного гуманитарного права, но на базе обеспечения суверенитета и безопасности собственного государства⁴².

Роль права в военном конфликте при применении юридических средств для достижения целей и задач в вооруженной борьбе двоякая: негативная (для ослабления боевых возможностей противника) и позитивная (мобилизация всех направлений жизнедеятельности для достижения победы, обычно это внутригосударственный аспект и это функция права).

4. Взаимосвязанность правового и информационного компонентов военного противоборства

Еще одной значимой формой современного противоборства в военном конфликте является информационно-силовое противоборство в современном конфликте, которое часто называют информационной войной. Данному компоненту военного противоборства посвящено достаточно много трудов. Суть военно-научной мысли сводится к следующему:

⁴² О гуманитарном аспекте профессор А.В. Габов пишет: «...*правовые решения должны быть гибче* и не заключаться только в ограничении или запрете... Здесь должен быть реализован комплексный подход: его основу должны составлять положения военной доктрины, а также различных документов стратегического планирования в области безопасности и развития оборонно-промышленного комплекса». И далее: «...соответствующие положения международного гуманитарного (учитываются — уточнение мое. — В.К.), когда для Российского государства обеспечено состояние стратегической стабильности. Говоря иначе, нормы гуманитарного права не должны в этом вопросе играть основополагающую роль» (Габов А.В. Вопросы науки и технологий в предмете военного права // Военно-правовое обозрение. 2021. № 7. С. 13).

– информационно-психологическое воздействие на людей станет важнейшей составляющей кибервойн и будет осуществляться в целях навязывания населению атакуемого государства ложного видения характеристики мироустройства, изменения системы ценностей, мировоззрения, ментальности, поведенческих паттернов, а также его нейролингвистического программирования⁴³;

– неотъемлемой частью боевых действий в войнах будущего становится информационное противоборство. Массированному психологическому воздействию подвергаются в первую очередь военно-политическое руководство, военнослужащие и гражданское население противника для подталкивания их к сознательному или спонтанному совершению определенных действий. Активная пропаганда будет направлена и на свое население, и на жителей «третьих стран» для формирования выгодных внутри- и внешнеполитических условий для дальнейшего ведения войны⁴⁴;

– основной целью любого информационного противоборства является изменение процесса принятия решения объектом воздействия (противником, союзником или собственными структурами) таким образом, чтобы принимаемые решения были выгодны тому, кто осуществляет это воздействие⁴⁵;

– в гибридной войне главной задачей информационной войны является размывание философской и методологической познавательной (когнитивной) деятельности народа государства-противника, хаотизация его сознания, подрыв доверия к лидерам и уверенности в будущем, разрушение системы национальных ценностей и интересов, внедрение ложных экономических и нравственных установок⁴⁶.

Применительно к теме настоящего исследования необходимо обратить внимание на следующее. Правовой компонент военного противоборства, право-силового воздействия на отношения военного конфликта непосредственно зависит от свойства легитимности такого воздействия. Право, в том числе международное право, связано

⁴³ См.: Уланов А.С. Прогностическая оценка тенденций развития средств вооруженной борьбы и способов их применения в войнах будущего // Военная мысль. 2022. № 8. С. 48.

⁴⁴ См.: Сержантов А.В., Смоловой А.В., Терентьев И.А. Трансформация содержания войны: контуры военных конфликтов будущего // Военная мысль. 2022. № 6. С. 30.

⁴⁵ См.: Сивков К.В., Соколов К.Н. Указ. соч. С. 152.

⁴⁶ См.: Бартош А.А. Туман гибридной войны. Неопределенности и риски конфликтов XXI века. С. 278.

с конкретной системой внутригосударственных отношений и реализуется в правоприменительной деятельности государства. Правовое воздействие объективно является результатом функционирования правовой системы, надстроенной над данным государством. Ключевые нормы международного права, в том числе международного гуманитарного права/права военных конфликтов, определяющие архитектуру международной и военной безопасности (право на самооборону, агрессия, военная необходимость и целесообразность, право наций на самоопределение и т.д.), не имеют абсолютного объективного содержания, признаваемого всем международным сообществом. Толкование и применение этих норм имеет ярко выраженную внутригосударственную природу. Легитимация поведения государства напрямую зависит от информационного воздействия, использования информационного компонента военного противоборства. Информационный компонент призван сформировать позитивное восприятие на международном и внутригосударственных уровнях, позитивность (правильность) правового воздействия на отношения военного конфликта, осуществляемого конкретным государством. Легитимность правового воздействия непосредственно зависит от информационного воздействия и связано с ним. Точно так же эффективность информационного воздействия непосредственно связана с законностью (соответствием международному и внутригосударственному праву) правового воздействия на отношения военного конфликта, законностью правового насилия по отношению к противнику и зависит от них. Но формальное соответствие норме международного либо внутреннего права — это только часть эффекта, которого необходимо достигнуть в военном противоборстве. Интенсивное информационное воздействие на противника, переплетенное и взаимосвязанное с правовым воздействием, обеспечивает легитимность военного насилия, что позволяет достичь цели и решить задачи военного конфликта, в том числе с использованием информационных и правовых компонентов военного противоборства.

Таким образом, средства юридического и информационного воздействия на противника являются полнокровной составляющей военного воздействия на противника⁴⁷. Правовой компонент является

⁴⁷ Необходимо обратить внимание, что в военной науке есть разные подходы к содержанию понятия военного насилия (воздействия) в современном конфликте. Так, Л.А. Прудников и А.В. Кузьменко считают, что в современных условиях наряду с традиционными военными (силовыми) способами вооруженного противоборства все чаще применяются невоенные меры нейтрализации угроз

реальностью современного облика ведения военных действий, залогом достижения целей и задач военного конфликта. Безусловно, такая постановка научной проблемы и роли военно-юридической науки нова для российской военной науки. Но ее решение повысит эффективность военного противоборства с противником в ходе военных конфликтов. В настоящей работе изложены лишь некоторые аспекты и методологические подходы к проведению исследований в данной области научного знания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анненков В.И., Моисеев В.Ф. Военная сила и современные международные отношения. Балашиха: ВА РВСН им. Петра Великого, 2022.

Бартош А.А. Серая зона: театр гибридных войн. М.: Горячая линия — Телеком, 2023.

Бартош А.А. Туман гибридной войны. Неопределенность и риски конфликтов XXI века. М.: Горячая линия — Телеком, 2022.

Военное право: Монография: В 3 т. / Под ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 3. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021.

Войгер М. Развязывание войны на правовом поле // *Concordiam*. 2020. № 1. С. 32–39.

военной безопасности. Невоенные средства обеспечения военной безопасности — это технические, программные, экономические, информационные, правовые, организационные и иные ресурсы, используемые государством для воздействия на источники внутренних и внешних угроз военной безопасности РФ в целях их нейтрализации. То есть ученые отождествляют военное насилие (противоборство) с вооруженным насилием (противоборством). Иной точки зрения придерживаются К. Сивков и К. Соколов, которые подчеркивают, что вооруженная борьба — всего лишь одна составляющая деятельности сферы безопасности. В понятие средств ведения войны входят не только традиционные системы вооружения вооруженных сил, но и значительно более широкий спектр инструментов воздействия на противника: информационные, экономические, социальные и иные. И это определяет значительно более широкий спектр методов ведения войны, нежели в классических войнах. Аналогичную позицию занимают О.А. Копичев, А.Е. Николаев, которые отмечают, что решение задачи определения границ современного военного конфликта требует классификации множества непрямых форм и способов борьбы и выделения в их составе элементов, которые возможно отнести к применению военной силы и рассматривать в качестве непосредственной вооруженной агрессии. См.: *Прудников Л.А.* Применение невоенных мер в интересах обеспечения военной безопасности России // *Военная мысль*. 2023. № 1. С. 8–9; *Сивков К., Соколов К.* Указ. соч. С. 28–29; *Копичев О.А., Николаев А.Е.* Современные войны: анализ тенденций развития межгосударственного противоборства, классификация форм и способов борьбы, формирование признаков и критериев военного конфликта // *Системы управления, связи и безопасности*. 2021. № 1. С. 13.

Володин В. Для противодействия санкциям было принято 192 закона. URL: <https://www.pnp.ru/politics/volodin-dlya-protivodeystviya-sankciyam-byloprinyato-192-zakona.html> (дата обращения: 15.01.2024).

Габов А.В. Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 3. С. 96–141.

Габов А.В. Вопросы науки и технологий в предмете военного права // Военно-правовое обозрение. 2021. № 7. С. 3–14.

Герасимов В. Организация обороны Российской Федерации в условиях применения противником «традиционных» и «гибридных» методов ведения войны // Вестник Академии военных наук. 2016. № 2. С. 19–23.

Кокошин А.А. Феномен «гибридной войны» в силовой составляющей современной мировой политики. URL: https://zavtra.ru/books/fenomen_gibridnoj_vojni_v_silovoj_sostavlyayushej_sovremennoj_mirovoj_politiki (дата обращения: 15.01.2024).

Копичев О.А., Николаев А.Е. Современные войны: анализ тенденций развития межгосударственного противоборства, классификация форм и способов борьбы, формирование признаков и критериев военного конфликта // Системы управления, связи и безопасности. 2021. № 1. С. 1–31.

Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах. 2022. № 7. С. 32–43.

Некlessа А.И. Гибридная война. Облик и палитра вооруженных конфликтов в XXI веке // Экономическая стратегия. 2015. № 8. С. 78–85.

О правовых инструментах реализации американской стратегии сдерживания // Военная мысль. 2021. № 6. С. 133–141.

Панарин И.Н. Основы теории «гибридной войны» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 4. С. 57–70.

Петров И. Демонизация с ущербом: подробности создания провокации в Буче. Что не так с историей о массовом убийстве мирных граждан под Киевом. URL: <https://iz.ru/1315421/ivan-petrov/demonizatciia-s-ushcherbom-podrobnosti-sozdaniia-provokacii-v-buche> (дата обращения: 15.01.2024).

Прудников Л.А. Применение невоенных мер в интересах обеспечения военной безопасности России // Военная мысль. 2023. № 1. С. 8–9.

Савенков А.Н. Государство и право: Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: В 3 т. Т. 1. М.: Наука, 2021.

Савенков А.Н. Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: Доклады членов РАН. М.: ИГП РАН, 2019. С. 9–93.

Сержантов А.В., Смоловой А.В., Терентьев И.А. Трансформация содержания войны: контуры военных конфликтов будущего // Военная мысль. 2022. № 6. С. 19–29.

Сивков К., Соколов К. Гибридная война. М.: Наше завтра, 2023.

Уланов А.С. Прогностическая оценка тенденций развития средств вооруженной борьбы и способов их применения в войнах будущего // Военная мысль. 2022. № 8. С. 37–49.

- Clausewitz Cf. C. von.* On War. N.Y.: Everyman's Library, 1993.
- Cheng D.* Winning Without Fighting: Chinese Legal Warfare // Heritage foundation. 2012. № 2692. P. 1–11.
- Coker C.* War in an Age of Risk. Cambridge: Polity, 2009.
- Dunlap C.* Law and Military Interventions: Preserving Humanitarian Values in 21st Century Conflicts. Harvard University Kennedy School of Government, Carr Center for Human Rights Working Paper, 2001.
- Dunlap C.* Lawfare // National Security Law. Durham, NC: Carolina Academic Press, 2015. P. 823–838.
- Dunlap C.* Lawfare: A Decisive Element of 21st-Century Conflicts? // National Defense University Press. 2009. Issue 54. P. 34–39.
- Dunlap C.* Lawfare Today // Yale Journal of International Affairs. 2008. Winter. P. 146–154.
- Fridman O.* Russian 'Hybrid Warfare': Resurgence and Politicization. London: Hurst & Company, 2018.
- Freedman L.* The Future of War: A History. London: Allen Lane, 2017.
- Giegerich B.* Hybrid warfare and the changing character of conflict // Connections. 2016. No 2. P. 65–72.
- Göransson M.* Understanding Russian thinking on "gibrnidnaya voyna" // Hybrid Warfare: Security and Asymmetric Conflict in International Relations. By Mikael Weissmann, Niklas Nilsson, Björn Palmertz and Per Thunholm. London: I.B. Tauris, 2021. P. 83–94.
- Hoffman F.* Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, 2007.
- Jacobs A., Lasconjarias G.* NATO's Hybrid Flanks: Handling Unconventional Warfare in the South and East. Rome: NATO Defence College, 2015.
- Johnson R.* Hybrid Warfare and Its Countermeasures: A Critique of the Literature // Small Wars & Insurgencies. 2018. No. 1. P. 141–143.
- Kittrie O.* Lawfare: law as a weapon of war. New York: Oxford, 2016.
- Liang C., Xiangsui W.* Unrestricted warfare. Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House, 1999.
- Mumford A.* Ambiguity in Hybrid Warfare. URL: https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2020/09/202009_Strategic-Analysis24-1.pdf (дата обращения: 15.01.2024).
- Mumford A., Carlucci P.* Hybrid warfare: The continuation of ambiguity by other means // European Journal of International Security. 2023. No. 8. P. 192–206.
- Orde K.* Lawfare. Law as a weapon of war. Oxford University Press, 2016.
- Petraeus D., Roberts A.* Conflict: The Evolution of Conflict from 1945 to Ukraine. Harper: Harper Collins Publishers, 2023.
- Puyvelde D.* Hybrid War — Does It Even Exist? // NATO Review. 7 May. 2015.
- Renz B.* Russia and Russia and "hybrid warfare" // Contemporary Politics. 2016. No. 22:3. P. 283–300.
- Sari A.* Hybrid Warfare, Law and the Fulda Gap. URL: www.Lawfareblog.com/legal-aspects-hybrid-warfare (дата обращения: 15.01.2024).

Stoker D., Whiteside C. Blurred lines: Gray-zone conflict and hybrid war — two failures of American strategic thinking // *Naval War College Review*. 2020. No. 73:1. P. 1–37.

Wigell M. Hybrid interference as a wedge strategy: A theory of external interference in liberal democracy' // *International Affairs*. 2019. No. 95:2. P. 55–75.

REFERENCES:

Annenkov, V.I. and Moiseev, V.F. (2022). *Voennaya sila i sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya* [Military power and modern international relations]. Balashikha: VA RVSN im. Petra Velikogo. (in Russ.).

Bartosh, A.A. (2022). *Tuman gibridnoi voiny. Neopredelennost' i riski konfliktov XXI veka* [Fog of hybrid war. Uncertainty and risks of conflicts in the 21st century]. Moscow: Goryachaya liniya — Telekom. (in Russ.).

Bartosh, A.A. (2023). *Seraya zona: teatr gibridnykh voyn* [Gray zone: theater of hybrid wars]. Moscow: Goryachaya liniya — Telekom. (in Russ.).

Cheng, D. (2012). Winning Without Fighting: Chinese Legal Warfare. *Heritage foundation*, 2692, pp. 1–11. (in Eng.).

Clausewitz, Cf. C. von. (1993). *On War*. N.Y: Everyman's Library. (in Eng.).

Coker, C. (2009). *War in an Age of Risk*. Cambridge, UK: Polity. (in Eng.).

Dunlap, C. (2001). *Law and Military Interventions: Preserving Humanitarian Values in 21st Century Conflicts*. Harvard University Kennedy School of Government, Carr Center for Human Rights Working Paper, 2001. (in Eng.).

Dunlap, C. (2008). Lawfare Today. *Yale Journal of International Affairs*, Winter, pp.146–154. (in Eng.).

Dunlap, C. (2009). Lawfare: A Decisive Element of 21st-Century Conflicts? *National Defense University Press*, 54, pp. 34–39. (in Eng.).

Dunlap, C. (2015). Lawfare. In: *National Security Law*. Durham, NC: Carolina Academic Press, pp. 823–838. (in Eng.).

Freedman, L. (2017). *The Future of War: A History*. London: Allen Lane. (in Eng.).

Fridman, O. (2018). *Russian 'Hybrid Warfare': Resurgence and Politicization*. London: Hurst & Company. (in Eng.).

Gabov, A.V. (2023) Antisanktsionnye mery v rossiiskom prave [Anti-sanction measures in Russian law]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 18 (3), pp. 96–141. (in Russ.).

Gabov, A.V. (2021) Voprosy nauki i tekhnologii v predmete voennogo prava [Issues of science and technology in the subject of military law]. *Voенно-правовое обозрение* [Military legal review], 7, pp. 3–14.

Gerasimov, V. (2016). Organizatsiya oborony Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh primeniya protivnikom «tradiatsionnykh» i «gibridnykh metodov vedeniya voiny» [Organization of the defense of the Russian Federation in conditions of the enemy's use of “traditional” and “hybrid methods of warfare”]. *Vestnik Akademii voennykh nauk*, 2, pp. 19–23. (in Russ.).

Göransson, M. (2021). Understanding Russian thinking on “hybridnaya voyna”. In: Weissmann, M., Nilsson, N., Palmertz, B., Thunholm, P. eds. *Hybrid Warfare: Security*

and Asymmetric Conflict in International Relations. London: I.B. Tauris, 2021. P. 83–94. (in Eng.).

Hoffman, F. (2007). *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars*. Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies. (in Eng.).

Jacobs, A. and Lasconjarias, G. (2015). *NATOs Hybrid Flanks: Handling Unconventional Warfare in the South and East*. Rome: NATO Defense College. (in Eng.).

Johnson, R. (2018). Hybrid Warfare and Its Countermeasures: A Critique of the Literature. *Small Wars & Insurgencies*, 1, pp. 141–143. (in Eng.).

Kittrie, O. (2016). *Lawfare: law as a weapon of war*. New York: Oxford. (in Eng.).

Kokoshin, A.A. *Fenomen «gibridnoi voyny» v silovoi sostavlyayushchei sovremennoi mirovoj politike* [The phenomenon of “hybrid war” in the power component of modern world politics]. [online]. Available at: https://zavtra.ru/books/fenomen_gibridnoj_vojni_v_silovoj_sostavlyayushchej_sovremennoj_mirovoj_politiki (Accessed: 15.01.2024). (in Russ.).

Kopichev, O.A. and Nikolaev, A.E. (2021). *Sovremennye voyny: analiz tendentsii razvitiya mezhsudarstvennogo protivoborstva, klassifikatsiya form i sposobov bor'by, formirovanie priznakov i kriteriev voennogo konflikta* [Modern wars: analysis of trends in the development of interstate confrontation, classification of forms and methods of struggle, formation of signs and criteria of military conflict]. *Sistemy upravleniya, svyazi i bezopasnosti* [Control, communications and security systems], 1, pp. 1–31. (in Russ.).

Koryakin, V.M. (2022). *Pravovoe obespechenie spetsial'noi voennoi operatsii* [Legal support for a special military operation]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh* [Law in the Armed Forces], 7, pp. 32–43. (in Russ.).

Liang, C. and Xiangsui, W. (1999). *Unrestricted warfare*. Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House. (in Eng.).

Mumford, A. (2020). *Ambiguity in Hybrid Warfare*. *EU/NATO Center of Excellence for Hybrid Threats*. September [online]. Available at: https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2020/09/202009_Strategic-Analysis24-1.pdf (Accessed: 15.01.2024). (in Eng.).

Mumford, A. and Carlucci, P. (2023). Hybrid warfare: The continuation of ambiguity by other means. *European Journal of International Security*, 8, pp. 192–206. (in Eng.).

Neklessa, A.I. (2015). *Gibridnaya voyna. Oblik i palitra vooruzhennykh konfliktov v XXI veke* [Hybrid war. The appearance and palette of armed conflicts in the 21st century]. *Ekonomicheskaya strategiya*, 8, pp. 78–85. (in Russ.).

(2021). *O pravovykh instrumentakh realizatsii amerikanskoj strategii sderzhivaniya* [On the legal instruments for implementing the American containment strategy]. *Voennaya mysl'*. [Military thought], 6, pp. 133–141. (in Russ.).

Orde, K. (2016). *Lawfare. Law as a weapon of war*. Oxford University Press.

Panarin, I.N. (2019). *Osnovy teorii «gibridnoi voyny»* [Fundamentals of the theory of “hybrid war”]. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskikh gosudarstva: politika, ekonomika, pravo* [International cooperation of Eurasian states: politics, economics, law], 4, pp. 57–70. (in Russ.).

Petraeus, D. and Roberts, A. (2023). *Conflict: The Evolution of Conflict from 1945 to Ukraine*. Harper: Harper Collins Publishers. (in Eng.).

Petrov, I. *Demonizatsiya s ushcherbom: podrobnosti sozdaniya provokatsii v Buche. Chto ne tak s istoriei o massovom ubiistve mirnykh grazhdan pod Kievom* [Demonization with damage: details of the creation of a provocation in Bucha. What is wrong with the story of the mass murder of civilians near Kiev] [online]. Available at: <https://iz.ru/1315421/ivan-petrov/demonizatsiia-s-ushcherbom-podrobnosti-sozdaniia-provokatcii-v-buche> (Accessed: 15.01.2024). (in Russ.).

Prudnikov, L.A. (2023). *Primenenie nevoennykh mer v interesakh obespecheniya voennoi bezopasnosti Rossii* [The use of non-military measures in the interests of ensuring the military security of Russia]. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 1, pp. 8–9. (in Russ.).

Puyvelde, D. (2015). Hybrid War — Does It Even Exist? *NATO Review*. 7 May. 2015. (in Eng.).

Renz, B. (2016). Russia and Russia and “hybrid warfare”. *Contemporary Politics*, 22, pp. 283–300 (in Eng.).

Savenkov, A.N. (2019). *Filosofiya prava, pravovoe myshlenie i global'nye problemy sovremennoi tsivilizatsii* [Philosophy of law, legal thinking and global problems of modern civilization]. *Transformatsiya paradigmy prava v tsivilizatsionnom razvitiit chelovechestva: doklady chlenov RAN* [Transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: reports of members of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: ISL RAS. (in Russ.).

Savenkov, A.N. (2021). *Gosudarstvo i pravo: Prava cheloveka i mirovoi poryadok, osnovannyi na verkhovenstve prava* [State and Law: Human Rights and World Order Based on the Rule of Law]. In 3 vols. Vol.1 Moscow: Nauka. (in Russ.).

Savenkov, A.N. and Kudashkin A.V. ed. (2021). *Voennoe pravo: monografiya: v 3 t.* [Military law: monograph: in 3 volumes]. Vol. 3. Moscow: Center for Legal Communications, 2021. (in Russ.).

Sergeantov, A.V., Smolova, A.V., Terentyev, I.A. (2022). *Transformatsiya soderzhaniya voiny: kontury voennykh konfliktov budushchego* [Transformation of the content of war: contours of military conflicts of the future]. *Voennaya mysl'* [Military thought], 6, pp. 19–29. (in Russ.).

Sivkov, K. and Sokolov, K. (2023). *Gibridnaya voina* [Hybrid war]. Moscow: Our tomorrow. (in Russ.).

Volodin, V. *Dlya protivodeystviya sanktsiyam bylo prinyato 192 zakona* [To counteract the sanctions, 192 laws were adopted] [online]. Available at: <https://www.pnp.ru/politics/volodin-dlya-protivodeystviya-sanktsiyam-byloprinyato-192-zakona.html> (Accessed: 15.01.2024). (in Russ.).

Voyger, M. (2020). *Razvzyazyvanie voiny na pravovom pole* [Unleashing war on the legal field]. *Concordian*, 1, pp. 32–39. (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кудашкин Владимир Васильевич — статс-секретарь АО «Рособоронэкспорт», главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук.

AUTHOR'S INFO:

Vladimir V. Kudashkin — State Secretary of JSC Rosoboronexport, Chief Researcher of the Civil and Business Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Кудашкин В.В. Правовая борьба — объективный системный компонент военного противоборства в международном военном конфликте // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2024. Т. 19. № 5. С. 222–246. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-5-kudashkin

FOR CITATION:

Kudashkin, V.V. (2024) Legal Struggle is an Objective Systemic Component of Military Confrontation in an International Military Conflict. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 19(5), pp. 222–246. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-5-kudashkin